

Жан-Филипп Арру-Виньо

МАГНУС МИЛЛИОН

и

СПАЛЬНЯ КОШМАРОВ

КомпасГид
издательский дом

Магнус Миллион и Мимси Покет

Жан-Филипп Арру-Виньо

**Магнус Миллион и
Спальня кошмаров**

ИД "КомпасГид"

2011

УДК 821-133.1-053.2
ББК 84(4Фра)

Арру-Виньо Ж.

Магнус Миллион и Спальня кошмаров / Ж. Арру-Виньо — ИД
"КомпасГид", 2011 — (Магнус Миллион и Мимси Покет)

ISBN 978-5-00083-199-1

Дзынь! Дзы-ы-ынь! Кто угодно проснётся от жуткого перезвона двенадцати будильников, но только не Магнус Миллион! Этот рыжий парень страдает сонной болезнью, а скучный день в Гульденбургском лицее – не лучший повод для подъёма. 14-летнему сыну богатейшего человека Сильвании, владельца заводов, шахт, газет и крупнейшего банка, – зачем Магнусу вообще покидать шикарный дворец? Дзззззы-ы-ынь! ДЗЫ-Ы-ЫНЬ! Затем, что он вот-вот пропустит итоговую контрольную! Строгий отец не сделает никаких поблажек и за опоздание не похвалит. А мальчишка смотрит удивительный сон, в котором филин Тотем сражается с трёхглавым псом... 14-летний герой ещё не подозревает, что такой кошмар может стать реальностью. ДЗЗЗЫ-Ы-ЫНЬ!! Беги, Магнус Миллион, беги! Через пять минут начнётся не просто очередная контрольная, а грандиозное Приключение. Впереди – неожиданные знакомства, загадки, монстры из другой вселенной и даже самый настоящий заговор! Мог ли робкий парень представить, что превратится в детектива? До знакомства с грубоватым Антоном Спитлом и капризной Мимси Покет – нет. Только не спи, Магнус Миллион! Французский писатель Жан-Филипп Арру-Виньо (родился в 1958 году) известен в России как автор юмористической серии «Приключения семейки из Шербура», вышедшей в издательстве «КомпасГид». Книга «Магнус Миллион и Спальня кошмаров» уже не автобиографическая, но такая же богатая замечательными персонажами и смешными историями – теперь с примесью фантастики.

УДК 821-133.1-053.2
ББК 84(4Фра)

ISBN 978-5-00083-199-1

© Арру-Виньо Ж., 2011

© ИД "КомпасГид", 2011

Содержание

1. Двенадцать будильников	10
2. Дракон	14
3. На старт, внимание...	17
4. Заслуженное наказание	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Жан-Филипп Арру-Виньо

Магнус Миллион и Спальня кошмаров

Патрисии, как всегда

Орельену и Камилле

*Орели, которая на каждую мою книгу взирает взглядом мудрой
птицы богини Минервы*

Эта история началась, когда колокола Гульденбургского лица пробили полночь.

Именно в полночь филин по кличке Тотем пускается в полёт вокруг лица. Он стартует ровно с двенадцатым ударом. Тотем уже совсем старик и никогда не нарушает давно устоявшегося чёткого распорядка. Я хотел было написать, что распорядок у него такой же чёткий, как у кукушки, живущей в часах, но Тотему, властителю ночной жизни, это сравнение вряд ли пришлось бы по душе.

С седеющим оперением и косматыми бровями, он, без сомнения, самый старейший из всех обитателей лица. За добрые полвека филин изучил вдоль и поперёк все здешние крыши (шестьдесят семь штук, если быть точным), все колоколенки и башни. Да и в парке с его столетними деревьями для Тотема давно уже нет ничего таинственного.

Что же до имени филина, то никто не знает, откуда оно взялось¹. Возможно, произошло от поросшего мхом герба, украшающего фронтон главного входа. На гербе изображён филин: широко раскинув крылья, он держит в когтях ленту с девизом лица: «Et nunc erudite».

Переводится это примерно так: «А теперь учите!»

Да ведь тем, кто приходит сюда, ничего другого и не остаётся! Девиз будто нарочно написали на латыни, чтобы он внушал страх и почтение ученикам, впервые переступающим этот порог.

Но сейчас, когда в морозном воздухе звенит отголосок последнего удара бронзового колокола, лицей кажется пустым. Почти мёртвым. В окнах интерната, расположенного в северном крыле, не видно ни огонька. И в главном здании, где находятся комнаты директора и учителей, тоже ни шороха, полный покой.

Снег, бескрайним войлочным покрывалом лежащий на крышах, приглушает всякий звук и мягко мерцает в лунном свете, отчего все домики и башенки лица кажутся начерченными на белом листе бумаги.

Тотем балансирует на карнизе здания и пристально всматривается в даль. Его круглые жёлтые глаза моргают в черноте ночи, как глаза механической куклы. Немалых усилий стоило ему покинуть своё тёплое логово под лицейской крышей.

На горизонте, над промышленным комплексом, разлит по небу странный зеленоватый свет. Угроза войны, нависшая над страной, заставляет заводы работать круглые сутки, и теперь день и ночь в воздухе стоит туман и запах серы.

Тотем вздрагивает. Он терпеть не может зиму: зайцы почти не высовываются, мышей не найдёшь, впору клюв положить на полку. Зима – не лучшее время для филинов. Правда, дни зимой короткие, это очень выручает птиц, которые ведут ночной образ жизни и по природе

¹ В верованиях некоторых народов тотемом называют животное (реже – растение), наделённое магической силой. Считается, что это животное или растение было родоначальником племени или народности, поэтому его чтят как священное и поклоняются предметам с его изображением. Тотемы стали прообразами гербов: в геральдике многих кланов и народов использовались (и используются до сих пор) образы священных животных.

своей вечно голодны. Но вот ведь какое дело: с возрастом Тотема стала мучить бессонница. Сна ни в одном глазу!

Большое везение, если, вернувшись с долгой ночной охоты, ему удаётся забыть про пустой желудок и уснуть хоть на несколько секунд. Но именно в этот момент старшему наставнику интерната непременно придёт в голову что есть сил ударить в утренний колокол или же грузовик молочника с оглушительным грохотом радостно ворвётся во двор. Тотем тогда испуганно просыпается, сваливается со своего насеста, бешено колотит крыльями и сыплет такими отборными ругательствами, что преподаватель этики и нравственности содрогнулся бы от ужаса, понимай он хоть самую малость язык филинов. Теперь до глубокого вечера лицей будет ходить ходуном от криков учащихся, грохота дверей и скрежета стульев, которые шумно двигают по полу классных комнат.

И всё, день загублен, больше Тотему уже не уснуть. До самой ночи будет он маяться в своём логове, с завывающим от голода желудком, зевая и кляня судьбу, которая сделала его самым старым обитателем Гульденбургского лицея.

Вы спросите – зачем же было на склоне лет селиться под крышей старого образовательного заведения? Но дело в том, что Тотем всегда жил здесь. И менять ничего ему не хочется. Он любит свой пыльный амбар, просторное чердачное помещение, заваленное старыми учебниками, сборниками латинских выражений, словарями с оторванными обложками, тетрадками по геометрии, исписанными фиолетовыми чернилами. Тотем обустроил себе тёплое укрытие меж шатких деревянных опор: правда, оно готово обрушиться от малейшего чиха или неловкого взмаха крылом, но зато здесь, среди запахов старой бумаги, миндаля и высохшего клея, никто его не отыщет. Только он один знает, как попасть сюда по лабиринту чердаков, и никому не придёт в голову беспокоить его здесь.

Круглое слуховое окно служит Тотему входной дверью. Через него он выскальзывает наружу и слетает, как по горке, по обледенелому скату крыши к самому водосточному жёлобу: здесь он занимает позицию и принимается ворчать на зиму, из-за которой, весьма вероятно, опять придётся вернуться домой ни с чем.

Но эта ночь была совсем не похожа на остальные.

Как только последнее эхо последнего полночного удара растворилось в воздухе вокруг лицейской колокольни, до слуха старого филина донёсся едва различимый шум.

Хр-р-р... Хр-р-р...

Хруст? Шелест?

Хр-р-р... Хр-р-р...

Тотем наострил свои и без того стоящие торчком уши.

Хр-р-р... Хр-р-р...

Хоть мягкий снег и смягчал шаги подобно домашним туфлям, обмануть чутьё старика Тотема ему было не под силу. По аллеям парка определённо что-то двигалось, осторожно, маленькими выверенными скачками...

Хр-р-р... Хр-р-р...

Землеройка? Полёвка? А может, и того лучше: нежнейший новорождённый крольчонок, неосмотрительно покинувший свою норку? У Тотема слюнки потекли от предвкушения, а сердце заколотилось в предчувствии долгожданного пира.

Расправив онемевшие крылья, он нырнул с крыши и полетел над самыми верхушками деревьев, даже слегка касаясь их, неслышный и незримый, словно призрак.

Хр-р-р... Хр-р-р...

Тотем облетал парк небольшими концентрическими кругами. Его внимательный взгляд острым ножом врезался в самую гущу деревьев и кустов. Он ощущал себя невидимым и следил за тем, чтобы его собственный запах смешивался с запахом густых ветвей. Его внутрен-

ний радар был включён на максимальный уровень чувствительности. Эта добыча от него не уйдёт! Малейшее движение наглеца – попытка бегства или, наоборот, оцепенение – и Тотем безжалостно пустит в ход острые клюв и когти.

Хр-р-р... Хр-р-р...

Однако это неосторожное существо оказалось хитрее, чем мог предположить старый филин: оно семенило, укрывшись от острых глаз, перепрыгивало из одного куста в другой и между этими скачками надолго замирало. Как будто бы можно обмануть хищную птицу, которая уже несколько недель ничего не ела! Чтобы обнаружить свою жертву, Тотему достаточно было всего-навсего проследить за её крошечными следами, которые она оставляла на нетро-нутом белом снегу парка – как дети проводят пальцем по строчке в книге, которую читают.

След заканчивался под нижними ветвями столетнего вяза. От этого дерева до соседнего – добрых десять метров, быстро прикинул филин. На таком расстоянии ни одному грызуну от него не уйти. Нужно всего лишь дождаться, пока этот недоумок высунет мордочку из-под ветвей. Тотем сбавил скорость, начал постепенное снижение, и стук сердца принялся отсчитывать секунды, остающиеся до встречи с добычей.

Гордыня? Неосмотрительность старого филина, который с годами совсем забыл об осторожности? За всё время, что он царствовал в парке Гульденбургского лица, у Тотема никогда не было настоящего соперника. Его когти внушали уважение даже самым большим смельчакам, а мудрость и опыт охлаждали пыл даже самых дерзких выскочек. Никому и в голову не приходило иметь с ним дело.

И всё же сейчас по следу шёл ещё один охотник. Он был намного крупнее филина и выглядел гораздо более жутко, к тому же обладал сверхъестественной способностью передвигаться совершенно бесшумно.

Никто не видел, как он пробрался в парк, в головокружительном прыжке перескочив через ограду. Он не оставлял следов на снежном покрове аллей. Лишь внимательный наблюдатель (что едва ли мог очутиться здесь среди ночи, к тому же в такой мороз) заметил бы на ветках развешанные подобно обрывкам паутины фосфоресцирующие нити слюны, которые чудовище роняло на бегу.

Не осознавая грозящей ему опасности, Тотем готовился к нападению.

Хр-р-р... Хр-р-р... Ну наконец-то: его обед высунулся из-под дерева. Это и в самом деле был крольчонок, нежный пушистый комочек, который пыхтел в снегу, пожёвывая мёрзлую травку. Возможно, в своей шубке цвета снега он ощущал себя невидимым?

Вдруг несчастная зверушка ошарашенно застыла, потому что сверху на неё упала чёрная тень.

Это Тотем бросился вниз, сложив крылья и выставив вперёд свой хищный клюв.

Он уже собирался вонзить когти в хрупкий хребет добычи, как внезапно остановился. Что-то не так. Тревога! Тревога! Сигнал к отступлению! Смертельная угроза!

В то же мгновение тишину парка разорвал яростный вопль. От этого сиплого крика кровь стыла в жилах – казалось, будто он вырывается не из одной, а из сотни глоток одновременно.

Перья Тотема встали дыбом. Рефлекс самосохранения заставлял отчаянно бить крыльями, пытаясь остановить падение.

Напрасно. Тварь, явившаяся неведомо откуда, уже настигла его. Это была собака. Бульдог или боксёр. Невероятно громадная, чёрная, как сажа. С грудью, блестевшей от слюны, мерцающей в голубоватом свете луны.

Говорят, в последние секунды перед смертью время словно останавливается. У филинов тоже так. Тотем смотрел и видел, будто в замедленной съёмке, как огромная извергающая пену пасть заглатывает застывшего от ужаса крольчонка, слишком крошечного для подобной глотки.

На долю секунды в старом филине вспыхнула надежда: воспользоваться этой заминкой, чтобы спастись!

Только он не учёл второй пасти, которая в это мгновение клацнула у него за спиной.

Да-да, вторая, как бы ни было странно об этом говорить. Не одна, а две, то есть нет, погодите: целых три головы венчали тело этого чудовища, явившегося из преисподней.

Последним отчаянным рывком Тотем увернулся от второй пасти. Ему удалось спастись? Нет. В ту же секунду с чудовищным хрустом захлопнулась возникшая из ниоткуда третья пасть.

В парке старого лицея вновь воцарилась мёртвая тишина.

Внутри никто и ухом не повёл. Ни в окнах северного крыла, ни в спальнях преподавателей не мелькнуло ни огонька. Разве что кто-нибудь с бурчанием перевернулся на другой бок, словно сражаясь с дурным сном, мелькнувшим перед глазами, когда раздался последний вопль чудовища.

В парке, в дуплах и норах в ужасе прижались друг к другу землеройки, белки, кролики и полевые мыши, вырванные из зимней спячки этим бешеным криком.

Криком ярости и разочарования, который испустили одновременно все три глотки.

Что за тварь способна на такой вопль? Никто не рискнул высунуть мордочку из норки, чтобы это узнать.

Впрочем, вся сцена длилась лишь долю секунды – как любой ночной кошмар. И после неё осталась лишь кучка окровавленных перьев на снегу.

1. Двенадцать будильников Магнуса Миллиона

Давно пора познакомить вас с главным героем этой истории.

Его зовут Магнус. Ему четырнадцать. Пока нам видны только взлохмаченные рыжие волосы, которые невозможно расчесать, и рука в полосатой пижаме. Всё остальное спрятано под толстой вышитой периной, поднимающейся и опускающейся в такт его храпу. Вокруг в полумраке тикают и побрякивают двенадцать будильников, которые ровно через минуту и десять секунд затрезвонят дружным хором.

Если бы Магнус знал, в какие приключения вот-вот отправят его эти двенадцать будильников, он бы ни за что не стал просыпаться. Ведь он совсем не герой. По общему мнению, это самый обыкновенный мальчишка. Покрупнее и посильнее других. Без сомнения, очень-очень крупный и очень-очень сильный для своего возраста. А ещё – очень-очень богатый. Кажется, даже имя – Магнус Миллион – обещает ему самое грандиозное будущее.

Но пока Магнус Миллион – мальчик стеснительный, более того – редкостный трус. Что никак не сочетается с таким величественным именем и образом будущего героя.

А ещё он большой любитель поспать и спит всегда так крепко, что по утрам ему никак не обойтись без двенадцати будильников.

Будильники разных форм и размеров расставлены по всем углам: круглые, овальные, квадратные и даже одни старинные часы с кукушкой и скрипучим механизмом, которые висят на стене над письменным столом... Почти все достижения города Гульденбурга в сфере производства будильников (а Гульденбург – столица страны, славящейся точностью своих часовых механизмов) несут караул у постели юного Магнуса Миллиона.

Двенадцать будильников, которые тикают слаженным хором, будто двенадцать крошечных бомб, готовых взорваться.

Сегодня четверг. Опаздывать категорически нельзя, потому что сегодня в Гульденбургском лицее начинаются итоговые контрольные первого триместра.

Ещё двадцать три секунды... Но уже сейчас где-то в углу самый первый будильник (антикварный экземпляр в металлическом корпусе) нетерпеливо прокашливается. Все пружины напряглись и задержали дыхание, будто ни одна не решается выскочить первой.

Двери деревянного домика открылись, и кукушка вот-вот появится в окошке. Честно говоря, последняя фраза – метафора. На самом деле птица из часов давным-давно потерялась. Но Магнус всё равно очень дорожит ими. Ведь это подарок мамы, которой не стало, когда ему было семь. И выбросить часы без кукушки означало бы навсегда расстаться с воспоминанием, зашвырнув его за тридевять земель – окончательно и бесповоротно.

Ровно в семь утра раздаётся скрипучая мелодия, которую тут же перекрывает трезвон остальных одиннадцати будильников, будто все они одновременно открывают огонь.

ДЗЫНЬ!!

ТРРРР!!

КУ-КУ! КУ-КУ!!

Будильники гудят, дребезжат и голосят. Будто каждый решил во что бы то ни стало перекричать соседа.

Растерянное лицо Магнуса высовывается из-под толстого одеяла. Он несколько раз моргает, лихорадочно нащупывает ближайший будильник и пытается разнести его ударом кулака, но промахивается мимо ночного столика и летит лицом вниз на прикроватный коврик.

К сожалению, падает он с недостаточно большой высоты. Будь кровать повыше, от удара об пол он бы проснулся, а так всего лишь зябко сворачивается калачиком и под звуки кульми-

национального крещендо двенадцати будильников, способного поднять и мёртвого, немедленно засыпает снова, обняв подушку, которую, падая, прихватил с собой...

Магнус Миллион – единственный человек на свете, способный выдержать испытание двенадцатью будильниками.

Возможно, именно из-за этого его и сослали в самый дальний конец дома. Особняк Миллионов – одно из самых шикарных строений во всём Гульденбурге и к тому же одно из старейших. В здании не меньше сорока трёх комнат – многовато для мальчика, его отца и кучки прислуги.

Что делать с такой прорвой комнат, высокопарно именуемых «спальнями друзей»? Друзей у Миллионов нет уже несколько поколений. Если сюда кто и заглядывает, то лишь почётные гости, банкиры, послы или главы государств, с которыми отец Магнуса подписывает выгодные контракты. Но друзей, в том смысле, который мы вкладываем в это слово, тут не бывало с тех пор, как умерла хозяйка.

Вот Магнус и живёт в неотапливаемой части дома, которая отведена для гостей, вдали от комфортабельных покоев отца. Здесь тянется бесконечная анфилада сырых комнат с высокими потолками и одинаковыми вытертыми коврами. Над головой висят пыльные люстры, в которых перегорела половина лампочек. Комнаты отличаются друг от друга только цветом старых обоев (тут – бледно-голубой, там – блёкло-лиловый) да портретами предков над камином.

Магнус – мальчик дико неаккуратный и чудовищно ленивый. Поэтому, вместо того чтобы привести свою комнату в порядок (в конце концов, за него это вполне могли бы делать горничные), он предпочитает её менять: например, когда грязной одежды на кровати скапливается так много, что она начинает сваливаться на пол, или когда становится невозможно поставить ногу на паркет, не наступив при этом на какой-нибудь хрупкий предмет.

По крайней мере, раньше он поступал именно так. Теперь же ему выделили одну-единственную комнату, в которой он обязан наводить порядок не меньше одного раза в неделю, до того как к нему явится с инспекцией госпожа Карлсен, кухарка и гувернантка Миллионов, которая взвалила на свои плечи почти непосильную задачу – воспитать этого насквозь испорченного и избалованного мальчишку.

Но тут нужно сделать примечание: избалованным Магнус был только в материальном отношении. Когда тебе четырнадцать, ни дом из сорока трёх комнат, ни горничные, ни кухарка, которая готовит по утрам завтрак, не заменят материнской любви и общения с отцом.

Рикард Миллион, отец Магнуса, уже целый час как вышел из дома. Как всегда по утрам, шофёр доставил его в клуб: здесь господин Миллион курит неизменную толстую сигару и поглощает английский завтрак, разложив перед своим колоссальным пузом свежие газеты.

Магнус был бы страшно удивлён, если бы ему рассказали, что некоторые отцы играют со своими детьми. Или что других мальчишек отцы порой берут на футбольный матч, а ещё (это уж совершенно уму непостижимо) иногда они вместе смеются!

Для Магнуса отец – это важный человек, вечно занятой и почти невидимый, кому по пятницам дворецкий подаёт на подпись обёрнутый в кожаную обложку дневник сына.

В воскресенье – по традиции это семейный день – Магнус с отцом единственный раз в неделю обедают вдвоём, сидя на разных концах стола – настолько длинного, что на нём пришлось установить телефон.

Благодаря этому аппарату иногда они ведут настоящие семейные беседы:

– Алло, папа?

– Гм-хрм...

– Вы не могли бы передать мне соус, если это вас не затруднит?

– Хл-блрп...

– Благодарю вас.

Они оба берут на эти семейные обеды что-нибудь почитать: Рикард Миллион – захватывающие биржевые сводки, а его сын – какие-то чудные книжки из библиотеки госпожи Миллион, к которым после её смерти никто, кроме него, не притрагивается.

– Выдуманные истории, – пожимает плечами Рикард Миллион, – вместо того чтобы извлекать пользу из бухгалтерских книг или каталогов оружия компании «Миллион»! Прости за прямоту, Магнус, но ты унаследовал от матери её худшие черты...

Он точно ничего не понимает в детях. А ещё меньше – в себе самом.

Иногда он, кажется, вообще забывает, что они с сыном живут под одной крышей. Однажды ночью они оба одновременно встали попить воды и столкнулись друг с другом посреди холодной кухни.

– Кто вы? – рывкнул господин Миллион, отступая на шаг.

– Это я, отец. Магнус...

– Магнус? – переспросил Миллион-старший.

– Отец, ну что вы! Это я, ваш сын!

– Сын? – пробормотал родитель. Тут он заметил, что они оба одеты в одинаковые шёлковые пижамы. Это его убедило. – Да-да, конечно... Очень приятно! – Он протянул ему вялую со сна руку и вежливо добавил: – Разрешите представиться: Рикард Миллион – хозяин этого дома.

Теперь вам будет проще разобраться в событиях, которые вот-вот произойдут.

Если бы Магнус не был предоставлен самому себе в огромном доме, где запросто разместился бы полк солдат, он бы в то утро не продрал осоловевшие глаза в 8 часов 27 минут, наконец разбуженный холодным сквозняком, дующим по полу.

Ночью ему приснился страшный сон, подробностей он не помнил, но сон всё равно вертелся в голове.

Магнус оглушительно чихнул, потом ещё раз – и окончательно проснулся. Катастрофа! Контрольная! Ровно через тридцать три минуты он должен быть в лицее.

– Чёрт-перечёрт!

По счастью, мальчики его возраста почти не моются. Через минуту Магнус уже натянул вчерашнюю одежду, пригладил холодной водой несколько вихров и с зубной щёткой во рту шнуровал ботинки.

– Торт-переторт! – повторил он, плюясь зубной пастой.

Надо успокоиться, он это знал, нельзя поддаваться панике. перевозбуждение действует на него очень необычно, о чём мы расскажем потом, когда будет время. А пока включён обратный отсчёт. Тридцать минут с хвостиком. Этого очень мало, особенно если учесть, что Магнус никак не может выйти из дома с пустым желудком.

Он бросился на кухню, изо всех сил нажимая на педали. Да-да, педали, несмотря на строжайший запрет госпожи Карлсен, которая просто отстала от жизни, ведь велосипед, как бы он её ни сердил, единственное удобное средство передвижения в доме с сорока тремя комнатами и бесконечными коридорами.

Велосипедные шины оставляли кошмарные чёрные следы на натёртом до блеска паркете. Последняя пробуксовка, и Магнус бросил своего коня в холле, а сам ворвался в кухню, где его ждало разочарование: овсяная каша безнадёжно остыла, а шоколад в кружке покрылся толстым слоем молочной пенки.

– Сейчас разогрею, – вздохнула госпожа Карлсен, которая терпеть не может непредвиденных обстоятельств и беспорядка у себя на кухне.

– Некогда! – бросил Магнус и окунул губы в чашку. – Через двадцать три минуты контрольная!

Он спешно придумывал план. Трамвай? Слишком медленно. Велик? Слишком много снега. Ну а про то, чтобы идти пешком...

– Двадцать три минуты? Ни за что не успеешь!

Госпожа Карлсен была замужем за здешним шофёром. Но на его помощь рассчитывать не приходилось: в эту минуту Леонард Карлсен надраивал кузов лимузина у входа в Ричмен-клуб, дожидаясь, пока хозяин доест последнюю английскую булочку.

Нужен другой способ, но какой?

Внезапно Магнуса озарило. И как он сразу не подумал? Времени, конечно, оставалось совсем мало, но почему бы не попробовать!

– Надеюсь, у тебя на уме никаких глупостей? – Кухарку напугал решительный вид мальчика.

– Не бойтесь, госпожа Карлсен, я успею, слово Магнуса!

Эти слова едва ли успокоили добрую женщину: за годы службы у Миллионов она изучила Магнуса как свои пять пальцев. Бессмысленно пытаться его урезонить, если он принял решение.

– И как же ты намерен добираться?

– На драконе, госпожа Карлсен! – провозгласил Магнус, бросив торжествующий взгляд на кухарку и её скептическую физиономию. – Да-да, на драконе!

С этими загадочными словами он звонко поцеловал госпожу Карлсен в лоб, изрядно перепачкав какао её безукоризненную причёску.

– Съешь хотя бы бутерброд!

Но было уже поздно.

Дверь за Магнусом хлопнула так, что у бедной госпожи Карлсен подкосились ноги, а тарелки, медная утварь и банки с вареньем задребезжали, будто началось землетрясение.

С детства Магнус Миллион не умел рассчитывать силу (и это не самый большой его недостаток).

2. Дракон

Как назло, первое утро итоговых контрольных в Гульденбургском лицее выдалось на редкость холодным. Всю ночь морозило, и теперь карнизы домов украшали гирлянды сосулек. Снег на тротуарах схватила ледяная корка, и спешащие на службу деловые люди в каракулевых шапках и воротниках были похожи на участников соревнования по конькобежному спорту.

Магнус с болтающейся за спиной школьной сумкой ввернулся в гущу толпы, как нападающий в хоккее. От бега щёки его покраснелись, а лёгкие наполнились обжигающим морозным воздухом. Те, кто попадаете ему на пути, пускай пеняют на себя: никому ещё не удавалось остановить летящие к цели восемьдесят килограммов Магнуса Миллиона!

Никому, кроме призрачного силуэта Дракона, что маячил среди голых деревьев парка, сразу за городской стеной.

Магнус невольно замедлил шаг. Дракон выглядел ещё ужаснее, чем в его воспоминаниях. В утреннем тумане, застилавшем парк, петли и изгибы старого аттракциона казались скрюченным телом чудовища из ночного кошмара, зависшим над городом.

Тем, кто, как Магнус, терпеть не может американские горки и прочие дьявольские машины подобного толка, Дракон тоже показался бы настоящим чудовищем.

«Самая длинная трасса в Европе! – сулила кроваво-красная вывеска над кассой. – Смертельный спуск! Незабываемое приключение!»

Триста метров металлических рельсов головокружительными петлями спускались к Нижнему городу... Шестьдесят три витка, пять мёртвых петель, из которых одна – тройная, гвоздь программы! Вагонетки, способные развить скорость пули, вылетающей из револьвера...

Я уже говорил, что Магнус, хоть и был очень крупным для своих лет, не обладал большой храбростью. В отличие от своих товарищей он ни разу не решился прокатиться на аттракционе, соединяющем Верхний город с Нижним. И теперь, увидев погружённые в туман хитросплетения рельсов, он усомнился в своём плане.

Тем более он забыл об одной детали. Так, мелочь, конечно, но мелочь немаловажная: зимой Дракон не работает. Касса закрыта, вход в парк аттракционов загорожен невысоким деревянным заборчиком, на котором висит табличка: «ВХОД ЗАПРЕЩЁН, ОПАСНО». Магнус на секунду испытал облегчение, как все трусливые люди, когда неожиданное препятствие встаёт у них на пути.

Но разве у него был выбор? До начала контрольной оставалось всего четырнадцать минут. А чтобы кто-то из Миллионов провалил экзамен – такого невозможно себе представить, особенно если учесть, что основателем Гульденбургского лицея являлся не кто иной, как Максимум Миллион, банкир и благотворитель, прапрадед Магнуса.

Решимости Магнусу придала в итоге не отвага, а другой страх, более сильный, чем ужас перед Драконом: страх разгневать отца. Перешагнув через ограждение, Магнус двинулся к аттракциону.

Вагонетки на зиму убрали в сарай, на двери висел большой замок. Магнус бегло осмотрел его и понял: не оторвать. За покрытыми инеем окошками вагонетки Дракона, накрытые брезентом, напоминали огромную гусеницу, в общем безобидную, но всё-таки внушающую беспокойство. Она будто забралась в глубину своего жилища и спала там в ожидании весны.

Магнуса охватило уныние. Двенадцать минут... Воображение отчётливо рисовало иссохший силуэт и злое пенсне директора лицея. Без сомнения, это был самый пунктуальный человек в стране: пунктуальный настолько, что даже часы, выглядывавшие у него из жилетного кармана, были не просто часами, а хронометром с точностью до десятой доли секунды. Ученики знали, что, даже если ты пришёл вовремя, для директора это было равнозначно опозданию, особенно в день контрольной.

Вдруг внимание Магнуса привлекла какая-то штуковина за сараем: подойдя поближе, он увидел ржавую вагонетку, наполовину заваленную снегом. Наверное, в обычное время она служила для ремонта трассы, но сейчас опрокинулась колёсами вверх и походила на гигантское насекомое.

Магнус понял: это последний шанс. Он бросился к вагонетке и с усилием водрузил её на рельсы. Транспортное средство было самое незатейливое: просто скамеечка на деревянном шасси. Никаких тебе перекладин для безопасности пассажира, только обгрызенный кожаный ремешок. Рычаг в передней части вагонетки служил ручным тормозом, и это немного обнадеживало. Значит, можно будет регулировать скорость – на обычных тележках аттракциона такой возможности нет.

Оставалось дотолкать вагонетку до стартовой площадки. Она оказалась тяжёлой. К тому же колёса были облеплены снегом, плотным и вязким. И всё-таки машинка, подгоняемая собственным весом, понемногу начала набирать скорость. Ещё раз подтолкнув её, Магнус вскочил на сиденье, торопливо обвязываясь ремнём безопасности и стараясь не смотреть в пустоту, которая бросилась ему навстречу.

Представьте себе, что вас поместили в ствол револьвера. Например, высокоточного оружия, произведённого на одном из заводов Миллиона. Примерно так чувствовал себя Магнус. Вцепившись в рукоять тормоза, Магнус зажмурил глаза и завизжал от ужаса: вагонетка покачнулась, перевалилась через край стартовой площадки и рванула вниз.

Тормозной механизм производил душераздирающий скрежет, рельсы аттракциона раскачивались влево и вправо – они явно не были готовы к внезапной нагрузке.

У Магнуса перехватило дыхание, сердце рвануло вверх, как воздушный шар, под которым обрубил канаты. Когда он наконец снова решился открыть глаза, вагонетка летела по густому туману и невозможно было оценить её скорость и глубину пустоты под колёсами.

– Уф! – выдохнул Магнус. – Ну, не так уж и страшно. Почти как летать во сне. Главное – не вывалиться.

Но радовался он недолго. Внезапно неслыханная сила вдавила Магнуса в скамейку, он во всё горло заверещал, сжался, приготовившись на следующем вираже быть отброшенным вперёд, но на этот раз его не сдвинуло с места. Магнус едва успел подхватить на лету сумку: вагонетка снова накренилась, чтобы обрушиться вниз. Никакой тормозной рычаг тут не поможет. Да он вообще работает? Магнуса швыряло с одного борта на другой, и он заботился сейчас лишь об одном: удержаться внутри.

И тут внезапно всё стихло. Машинка удивительным образом перестала раскачиваться, и в эту секунду, будто бы разогнанный бешеной скоростью полёта, расступился туман и перед Магнусом открылся весь Нижний город: крошечные заснеженные крыши, жмующиеся друг к другу, лабиринт убогих улочек, мостиков и тупиков... А за Нижним городом возвышался Гульденбургский лицей – мрачное здание, больше похожее на казарму, окружённое парком и высокой оградой. Магнус был потрясён – он словно впервые увидел Нижний город: неужели люди – настоящие человеческие существа, а не какие-нибудь там кроты или лесные гномы – *в самом деле* могут жить здесь, в этих страшных чёрных улицах-кишках?

Однако размышления пришлось прервать. Вагонетка вдруг накренилась вперёд и подобно пикирующему самолёту обрушилась вниз. У Магнуса от резкого падения кровь прихлынула к голове, и казалось, что мозг сейчас рванёт наружу через уши. Потом тележка с оглушительным грохотом взлетела вертикально вверх, после чего ушла в такой затяжной вираж, что белое небо и Нижний город на время поменялись местами.

Это была первая из обещанных мёртвых петель Дракона, но Магнус, перевёрнутый вверх ногами и терзаемый приступом тошноты, давно потерял счёт фигурам пилотажа. Двойные петли, одинарные перевороты и «бочки» сменяли друг друга в адском темпе. Его швыряло

в стороны, как беспомощную игрушку в жестоких руках закона притяжения. Половина лица онемела, из глаз на морозном ветру брызнули слёзы.

Но это был ещё не предел, далеко не предел. То, что он увидел, когда очередной зигзаг аттракциона зашвырнул его на самую высокую точку Дракона, было ужаснее всякого ужаса.

Старые американские горки закрыли неспроста: на выходе из последнего виража рельсы обрывались и торчали в воздухе бессмысленным обрубком, под которым зияла пустота. Ржавые балки были разбросаны по снегу далеко внизу, отчего последний спуск превратился в превосходный трамплин!

– А-а-а-а-а-а! – заорал Магнус.

Он всем телом навалился на рычаг тормоза, но вагонетка разогналась как сумасшедшая и летела на максимальной скорости, не остановить!

– А-а-а-а-а-а!

Неизбежного не избежишь. Это должно было произойти – и произошло. Причём в самый неподходящий момент.

В голове у Магнуса вдруг всё перемешалось, в ушах загудело, в глазах помутилось. Мир вокруг будто обмяк и стал глухим и ватным.

– НЕТ! – простонал он. – ТОЛЬКО НЕ СЕЙЧАС!

Но он прекрасно знал, что это значит. Борьбаться бесполезно, приступа не избежать. Магнус начал клевать носом, мысли стали путаться, веки потяжелели, будто налились чугуном.

– ТОЛЬКО... НЕ... СЕЙЧАС, – повторил он, зевая. – Нет... Не... сей... час...

И в то мгновение, когда вагонетка долетела до конца рельсов и с разгону взмыла в воздух, как пушечное ядро, Магнус уснул.

Уснул в одно мгновение, будто лампочку выключили. Безучастный к надвигающейся катастрофе, он летел, безмятежно похрапывая, и его силуэт чертил в морозном небе идеальную дугу.

3. На старт, внимание...

В Гульденбургском лицее приближался час икс: хронометр господина директора показывал 8 часов 59 минут и 36 секунд: меньше чем через полминуты должна была начаться итоговая контрольная первого триместра. Важнейшее событие в унылой жизни лицея. Особенно для господина директора, который сурово следил за бегом стрелок и держал над головой ржавый стартовый пистолет, целясь в потолок. Палец директора был судорожно прижат к спусковому крючку, словно тот боялся, как бы пистолет сам собой не выстрелил ему в физиономию.

– Господа, приготовьте стилографы, – скомандовал он замогильным голосом.

Перед ним убегали вдаль три ряда парт, расставленных с безукоризненной точностью вдоль линии желтоватого света ламп-колпаков. На каждой парте стояла открытая баночка чернил и лежал двойной лист бумаги, готовый к записи уравнений на деление с остатком и прочих каббалистических формул, которые появятся тут, как только ученикам раздадут задания.

Контрольную проводили в огромной, плохо протопленной столовой, в северной галерее главного здания. Здесь было так холодно, что большинство учащихся сидело за партами в пальто и перчатках, и им было не слишком удобно выводить своё имя на полях, привычно следя за нажимом пера.

О скупости директора были наслышаны все. Впрочем, сам он наверняка никогда не мёрз (закроем глаза на каплю, которая вечно висела у него на кончике носа). Шея под вытянутой физиономией была обмотана толстым чёрным шарфом, а одет он был, как и всегда, в чёрный костюм, за который многие поколения лицеистов звали его Могильщиком.

Между рядами прохаживались в ожидании сигнала надзиратели с заклеенными конвертами в руках: через секунду конверты будут вскрыты и задания розданы. От надзирателей так и веяло нервозностью, они будто нарочно нагнетали тревогу, и каждый ученик, мимо которого они проходили, испуганно опускал голову.

Нужно сказать, что директор, для повышения бдительности надзирателей, со вчерашнего дня не давал им есть – так поступают с собаками перед охотой. Горе тому, кто решится бросить взгляд через плечо соседа или вынуть из рукава шпаргалку! Добычу немедленно схватят и поволокут к выходу под ледяным взглядом Могильщика.

Порядок и дисциплина – вот главные ценности Гульденбургского лицея с тех пор, как его возглавил господин директор. И только последний безумец или самоубийца решился бы это оспорить.

И всё же одна деталь нарушала сегодня безупречный порядок и как магнит притягивала взгляды: одно место на тринадцатой парте в третьем ряду пустовало.

Отсутствующий? Или, ещё хуже, опоздавший? Тяжелейшая провинность, о которой и подумать-то страшно! На шкале правонарушений лицея пропуск триместровой итоговой контрольной – это почти так же неслыханно, как выбежать голым на поле для регби во время финального соревнования межлицейского турнира... Дети едва не устроили беспорядок во время рассаживания. Одни толкали соседа локтем и шептали: «Видал?», – другие спрашивали: «Как думаешь, это кто?» Пока не прозвучало где-то и не побежало с парты на парту: «Магнус! Это Магнус!... Вот здорово! Магнус Миллион прогулял контрольную!»

– Тишина! – проорал директор. – Кто откроет рот, получит сто строчек!

– Сто строчек! – эхом отозвались надзиратели, будто мстили желудкам, терзающим их голодными клещами.

Дети умолкли. На больших часах, висящих над головой Могильщика, большая стрелка стояла уже почти вертикально. Ещё один секундный шаг, и будет ровно девять.

– Внимание! – произнёс директор, не отрывая глаз от хронометра. – Приготовиться к раздаче заданий. На старт, внимание...

Скомандовать «Марш!» он не успел.

В то мгновение, когда его палец надавил на курок, столовая содрогнулась от взрыва.

В высокое окно зала вместе с осколками стекла хлынули обломки дерева и обрывки штор. Потрясённые ученики сидели разинув рты и молча наблюдали, как над их головами проносится странный летающий объект – позже самые наблюдательные будут рассказывать, что размером он был примерно с вагонетку американских горок.

Полёт летающего объекта слегка замедлила встреча с пыльной шторой, которая теперь летела за ним подобно хвосту метеорита. На мгновение всем показалось, будто машина зависла под потолком, но в следующую секунду она рухнула аккуратно на свободное место за тринадцатой партой и расплющила её, как ореховую скорлупу.

В следующую долю секунды, в оглушительной тишине, наступившей после приземления, раздался выстрел директорского пистолета.

Те, кому довелось пережить это, потом всю жизнь вспоминали, что в ту секунду не знали, какое чувство в них сильнее: изумление или страх перед директором.

Доски оконной рамы, которые ударом вырвало из стены и развернуло внутрь, представляли собой восхитительное зрелище: можно было подумать, что кто-то выбил окно гигантским футбольным мячом. Онемевшие и застывшие на месте зрители любовались этой картиной, а сверху падал сверкающий снег из пыли и стеклянного порошка. Ученики за партами, надзиратели и даже сам директор – все были поражены и, вытаращив глаза, взирали на кратер, пробитый в идеальном ряду столов летающей машиной, которая, к счастью, никому не причинила вреда.

Каждый подумал о бомбе – огромном снаряде, запущенном в здание лица давним врагом страны, Западной Сильванией, которая таким образом, возможно, намеревалась развязать войну. Но бомба, к счастью, не взорвалась. Да и какой же должна быть пушка, чтобы из неё вылетали снаряды в форме вагонетки, к тому же снаряды обитаемые?

Ведь из-под занавески, накрывшей вагонетку, сначала донёсся еле слышный кашель, а потом показалась голова: она несколько раз моргнула и от души, широко зевнула.

Рыжие волосы, побелённые пылью и извёсткой... Округлившись от удивления глаза... Да это же...

– Магнус! Магнус Миллион!

Крик, будто вырвавшийся из одного рта, взорвал столовую. Забыв о правилах и приличиях, дети бросились к Магнусу, расталкивая друг друга и опрокидывая парты.

– МАГ-НУС! МАГ-НУС!

Все хором скандировали имя воздухоплавателя, и вокруг него росло кольцо изумлённых зрителей, с недоверием взиравших на тележку аттракциона.

– По местам! – кричал директор. – По местам!

Но пронзительные звуки его свистка лишь прибавляли шума к общей суматохе. Со всех сторон к герою тянулись руки: каждый хотел прикоснуться к нему, подхватить и торжественно пронести по залу, как трофей межлицейского соревнования.

– МАГ-НУС! МАГ-НУС!

– Спасибо, – бормотал он в ответ и, казалось, совершенно не понимал, где он и что тут вообще происходит. – Спасибо.

Уже несколько месяцев никто не скандировал его имени. С тех пор, как была диагностирована его сонная болезнь, закрывшая ему путь на поле для регби. А ведь с его габаритами он, как никто другой, подходил для этой игры. Однако сегодня его триумф был безграничен: ребята из интерната и те, кто приходил в школу из дома, маленькие и большие, друзья и заклятые враги – все выкрикивали его имя, поздравляли, стремились дотронуться до него и тоже забраться в машину, каркас которой торчал среди школьной столовой, как останки корабля пришельцев.

Шум нарастал, а Магнус понемногу вспоминал, что произошло: контрольная, страх опоздать... Дракон, безумный спуск, рельсы, которые обрываются и ведут в никуда, ужас, охвативший его...

То, что случилось потом, – как вагонетка на полном ходу полетела в небо, как ворвалась прямиком в окно столовой, – всё это он мог себе только представить. Каким чудом он ухитрился не переломать себе кости, Магнус понятия не имел. А вот что он понимал прекрасно, так это то, что совершил, сам того не желая, страшнейшую, огромную, феноменальную провинность!

В школьной столовой царило уже настоящее безумие! Чернильницы летали в воздухе, столы опрокидывались, двойные листки превращались в самолётики и устремлялись в счастливые физиономии. Лицеисты не могли припомнить, когда в последний раз здесь творился подобный хаос. Директор вызвал в столовую подкрепление. Учителя в чёрных мантиях заполнили столовую, тщетно пытаясь призвать детей хоть к какому-нибудь подобию порядка.

Магнус вдруг с ужасом осознал, что обезумевшие надзиратели, директор, забравшийся на кафедру и орущий оттуда во всю глотку, шапки, которые взмывали в воздух и вылетали в выбитое окно, – во всём этом виноват он один, Магнус Миллион. Весь этот выдающийся кавардак – на его совести!

4. Заслуженное наказание

– Чисто технически, Миллион, мы не можем вменить вам в вину опоздание на сегодняшнюю контрольную, – произнёс директор.

Триста свидетелей, присутствовавших в то утро в школьной столовой, подтвердили бы, что пистолет Могильщика выстрелил после знаменательного прибытия Магнуса в экзаменационный зал.

– Вы не опоздали, это факт, – продолжал директор, и голос его звучал как из глубины ледяной пещеры. – Но вы не опоздали на контрольную по той простой причине, что никакой контрольной и не было.

Магнус стоял посреди директорского кабинета. Ему не оставалось ничего, кроме как прикрыть веки в знак согласия. Учителям и надзирателям потребовалось больше часа, чтобы уgomонить разбушевавшуюся столовую, – теперь в лицее снова царил безупречный порядок. Ученики разошлись по классам. За исключением нескольких несчастных, которым велели собирать испорченные проверочные листы, устилавшие школьный двор подобно осенним листьям. В наступившей тишине было слышно, как они шаркают мётлами – мрачно и даже угрожающе.

– Таким образом, Миллион, вы не будете отстранены от прохождения триместровых испытаний, – продолжал директор. – Тут вам, считайте, повезло.

Магнусу на мгновение показалось, что всё, возможно, не так плохо. Хотя он, конечно, понимал, что Могильщик не стал бы вызывать его к себе в кабинет в сопровождении двух надзирателей, похожих на голодных ротвейлеров, для того, чтобы поздравить с удачей. Магнус впервые находился в этом навевающем ужас месте, о котором ходили странные легенды. До того странные, что в них едва ли стоило верить, но и проверить тоже не было возможности. Говорили, будто ученики, попадавшие в кабинет директора, оттуда уже не возвращались. Будто господин директор, сидя в своём кресле, запускал механизм, который открывал ловушку, расположенную под ковром. И что эта ловушка вела прямоком в чёрные воды Акероса, где и тонули непокорные лицеисты.

Неизвестно, правду рассказывали или выдумывали, но Магнусу было не по себе.

В комнате от пола до потолка громоздились толстые тома, источавшие резкий запах плесени. Прищурившись, можно было разобрать названия. «Правила и положения, принятые в лицее», «Сборник прав и обязанностей учащегося», «Свод штрафов и наказаний» – и несметное множество других книг того же рода... Это была личная коллекция господина директора, его единственная страсть, не считая хронометров высочайшей точности да нравоучений безмозглым ученикам вроде Магнуса Миллиона.

– Раньше вы не баловали нас подобной пунктуальностью, – произнёс директор. – Позвольте похвалить вас за столь необычное усердие.

Магнус не верил собственным ушам. А что, если суровость Могильщика на самом деле такая же выдумка, как и ловушка под ковром?

– Правда, это ваше рвение, как вы, наверное, успели заметить, привело к тому, что вы нарушили кое-какие правила... О, суший пустяк, уверяю вас: несколько невинных промашек, которые я позволю себе перечислить.

Как вы думаете, могут у человека подкоситься ноги при звуке щелчка резинки? Могут, если речь идёт о резинке, которую Могильщик поддевает ногтем, чтобы раскрыть свой чёрный блокнот с засаленной обложкой.

Думаете, можно потихоньку шалить где-нибудь в уголке, укрывшись от посторонних взглядов? Ошибаетесь. Если за спиной у вас щёлкнула эта резинка, знайте: вы пропали. Дирек-

тор, о чьём приближении вы и не догадывались, уже удаляется, довольно потирая руки, а ваша проделка зафиксирована в его блокноте мелким почерком, когтистым и неразборчивым.

– Так-так, – с видимым удовольствием продолжал он. – «Самовольный полёт над образовательным учреждением... Вход в экзаменационный зал запрещённым способом... Разрушение исторического здания...»

С каждым новым пунктом Магнус всё ниже опускал голову, будто собственные провинности придавливали его к земле.

– «Порча школьного имущества... Пронос в учреждение запрещённого механизма... Создание угрозы безопасности учащихся... Подстрекательство к мятежу... Отказ повиноваться приказам...»

– Я... Дело в том... – робко начал Магнус.

Но что он мог сказать? Что стал жертвой стечения обстоятельств? И не виноват, что конец маршрута разобрали на зиму и обрывающиеся рельсы оказались направлены напрямиком в окно лицейской столовой?

– Ну и конечно, главное украшение этого фейерверка, – продолжал директор, глядя на Магнуса с таким отвращением, будто увидел на своём рабочем столе грязную мышь. – По причине вашего непростительного поведения впервые за всю историю нашего учебного заведения зимние проверочные работы в этом году начнутся на один день позже положенного... – Тут его голос сорвался, словно директора передёрнуло от ужаса. – На целый день позже! – визгливо повторил он. – Вы понимаете, насколько это неслыханно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.